

2. Хемингуэй, Э. Острова в океане / Э. Хемингуэй // Праздник, который всегда с тобой; Острова в океане: Романы. – Минск: Маст. літ., 1988. – С. 127 – 541.
3. Зверев, А. Движение времени – движение темы. Американский роман о войне / А. Зверев // Вторая мировая война в литературе зарубежных стран. – М.: Наука, 1985. – С. 509 – 548.
4. Топер, П. Война и история. Советская литература о Великой Отечественной войне в контексте мирового литературного процесса / П. Топер // Вторая мировая война в литературе зарубежных стран. – М.: Наука, 1985. – С. 5 – 67.
5. Старцев, А. Книги последних лет / А. Старцев // Хемингуэй, Э. Собр. соч.: Т. 4 / Э. Хемингуэй. – М.: Худож. лит., 1968. – С. 527 – 536.
6. Гиленсон, Б. Эрнест Хемингуэй / Б. Гиленсон. – М.: Просвещение, 1991. – 192 с.
7. Waldmeir, J. American Novels of the Second World War / J. Waldmeir. – The Hague – Paris, 1969. – 180 p.

А.А. Никифоров (Полоцк, ПГУ)

ХОЛОКОСТ В МИРОВОЙ ПОЭЗИИ И ПОЭЗИИ США: ТЕМЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

*Что есть поэзия, когда она не спасает
нации или народы?
Чеслав Милош*

Введение. Американская поэзия о Второй мировой войне – сложный, многообразный и специфический объект исследования. Особенности восприятия и осмысления этой войны в творчестве поэтов США проявляются как в индивидуальной реакции на те или иные события или войну в целом, так и в предпочтении освещения какого-либо конкретного события. Также в качестве особенностей необходимо учитывать чисто американские литературные явления, такие как афроамериканская поэзия о Второй мировой войне, и непосредственно связанные с США события (Перл-Харбор, тихоокеанские военные действия, Хиросима и прочие). Одним из самых значительных явлений Второй мировой войны, которое нашло и находит широкое и глубокое отражение в творчестве самых разных поэтов США, явился холокост.

Настоящая работа посвящается изучению тем, проблем и возможных подходов к исследованию поэзии холокоста, в частности поэзии США. Если в предыдущей статье «Особенности восприятия холокоста американскими поэтами в свете общественно-политической ситуации в США 1933 – 1945 гг.» [1] обсуждался исторический, социальный и отчасти культурный контекст, в котором формировалась американская поэзия холокоста, то здесь она рассматривается как явление литературы США в свете антифашистской поэзии и прозы Европы. Говоря о поэзии холокоста (строчное написание), мы имеем в виду стихи, объектом которых являются все жертвы нацистов, а также события, связанные с массовым уничтожением мирного населения начиная с 1933 года, и ряд проблем, касающихся восприятия и осмысления этого исторического явления. Таким образом, стихи о геноциде еврейского населения Европы, которые получили название поэзия Холокоста (первая буква – прописная), не выделяются нами в качестве единственного объекта исследования, как это свойственно западному литературоведению, когда дело касается литературы о зверствах нацистов [2, 3, 4].

Это притом, что, как уже отмечалось в предыдущей работе, во время войны, когда только появился этот термин, холокост воспринимался, и в частности, американцами, как истребление европейских и советских граждан и военнопленных в общей массе, куда наряду с евреями входили коммунисты, профсоюзные работники, представители духовенства и многие другие¹. Таким образом, в этой работе выдвигается тезис о том, что осмысление нацистских зверств в американской поэзии 40-х – 60-х годов XX века гораздо шире, чем освещается в литературоведении США.

Обоснование термина. Нельзя сказать, что стихи об уничтожении евреев не представляют собой центральную и подавляющую часть западной поэзии холокоста, но также нельзя утверждать, что стихи, посвященные памяти других категорий граждан – маргинальное явление для данной поэзии. Учитывая расширенный объект исследования, и во избежание терминологической путаницы в работе используется понятие *холокост*, за исключением цитат из источников, где это слово пишется с заглавной буквы. Но и здесь возникает проблема, так как, к примеру, многие антологии, объединяющие *все* стихотворения по теме, используют термин *Холокост*, как в заглавии, так и в текстах предисловий; то же касается большинства исторических и литературоведческих трудов. Употребление термина *холокост* продиктовано еще и тем, что ни одна антология, ни один сборник не посвящен исключительно Шоа (катастрофа еврейского народа). В каждой книге значительную часть составляют стихотворения о гибели евреев, но не

¹ Использование термина *холокост* применительно ко всем жертвам нацистов в общественной и культурной жизни США см. монографию П. Новика «Холокост в жизни американцев» [5, р. 20, р. 214 – 221].

менее существенный вклад в эти книги внесла поэзия о других жертвах. Поскольку корпус мировой поэзии холокоста значительно шире, чем осваиваемый в литературоведении США материал, настоящее исследование призвано заполнить некоторые лакуны в изучении литературы о холокосте (в частности, американской) и рассмотреть особенности военной поэзии США (не ограничивающейся данной темой) в контексте европейской поэзии о Второй мировой войне.

Поэтому прежде чем разбираться с тем, что собой представляет поэзия холокоста США во всем своем многообразии и в сравнении с лучшими образцами европейской поэзии, следует учитывать несколько внелитературных аспектов термина *холокост*. Под холокостом здесь подразумеваются явления преследования и планомерного истребления (в том числе и в трудовых лагерях и лагерях для военнопленных) коммунистов, представителей «неарийской» расы, включая славян, священства любой религиозной конфессии, физически и умственно неполноценных людей, гомосексуалистов и прочих.

Исторически сложилось, что холокост как геноцид европейского еврейства стал доминирующей сферой литературоведения США, занимающегося произведениями о нацистских зверствах, поскольку преследование именно этой категории лиц приняло небывалый размах и чудовищность, и таким образом, нашло широкое отражение в литературе (в частности, в эмигрантской). И именно страдания еврейского народа, не имеющего своего национального государства, которые по политическим мотивам не отделялись во многих европейских официальных литературах военного и послевоенного периода (в особенности это касается стран Советского блока) от страданий общего населения той или иной страны, оказываются услышаны в США. Поэтому естественным кажется положение, когда те, о ком по политическим соображениям не принято было говорить по эту сторону Атлантики, обретают свой национальный голос в первую очередь по ту сторону океана.

Холокост и его осмысление в литературе нельзя рассматривать оторвано от общей нацистской политики истребления неугодных не только элементов, но и целых общностей. В одном лагере могли находиться и католический священник, и коммунист, и еврей, и каждого из них ждала одна и та же участь. Преследования и тех, и других, и третьих уже имело место в истории. Геноциду евреев предшествовал геноцид армян, на заре христианства Римская империя преследовала первых христиан, а также в истории любого правящего режима можно найти примеры устранения политически инакомыслящих людей. Но никогда ранее преследование и уничтожение не принимало такого, так сказать, «промышленного масштаба». Также ни одно из этих явлений нельзя рассматривать оторвано от причин преследования. Истребление армян турками и евреев нацистами основывалось на том, что правящие режимы считали нахождение этих народов на своих землях губительным для государства. Евреи, согласно нацистской идеологии, были, грубо говоря, препятствием к процветанию Германии, внутренним притеснителем немецкого народа, в то время как турецкие власти видели «в армянах орудие европейских империалистических держав, жаждавших поделить между собой Оттоманскую империю» [6, с. 335]. Причины преследования евреев, духовенства, коммунистов кроются в самой природе нацистской идеологии, которая сводится к формуле «нападаю, значит, защищаюсь». Эта формула относилась ко всем мнимым и реальным врагам.

В книге, впервые опубликованной еще в 1941 году, Эрих Фромм в главе «Психология нацизма» пишет о том, что Гитлер, обвиняя, будто бы защищается от нападения других. «Он сам и немецкий народ всегда невинны, а их враги – звери и садисты. Значительная часть этой пропаганды состоит из преднамеренной, сознательной лжи, но отчасти ей присуща та же "искренность", какая характерна для параноидных обвинений» [7, с. 192]. Размах агрессии в большой степени предопределялся численностью групп, на которые эта агрессия была направлена. Евреи были самой многочисленной общностью, за массовостью погромов еврейских домов и магазинов трудно было разглядеть тот факт, что первыми узниками Дахау стали три десятка коммунистов. Каждой группе приписывалась та или иная угроза, поэтому не было «ни одного случая притеснения со стороны нацистов, который бы не объяснялся как защита от притеснений со стороны других. Можно предположить, что эти обвинения чистая фальсификация, но они все же имеют пропагандистскую ценность» [7, с. 193]. С опасностью, исходившей от коммунистов, боролись теми же средствами, что и с опасностью, исходившей от евреев. Поэтому реализация этой защиты-нападения была одинаковой ко всем «врагам» без исключения.

Нельзя, опираясь на количественные показатели среди погибших и вывезенных в лагерь людей из мирного населения делать вывод, что сами поляки меньше пострадали, чем польские евреи, или что нацисты относились к полякам лучше. Здесь стоит видеть не столько большую ненависть нацистов к евреям, чем к полякам (учитывая, что Польша – исторический враг Германии), сколько планомерную политику разжигания национальной вражды, натравливание одной этнической группы на другую. В Украине и Польше нацисты достигли наибольших успехов на этой ниве². Вопреки равнодушию к страданиям и

² Сложным взаимоотношениям польского и еврейского населения в годы войны и их отображением в литературе посвящена глава «Тема и проблематика прозы о войне. Холокост в литературе» [8] монографии В.Я. Тихомировой «Польская проза о Второй мировой войне в социокультурном контексте (1989 – 2000)» и заключительная часть статьи О.Р. Медведевой «Польская литература периода Второй мировой войны» [9, с. 763 – 767].

гибели евреев и многочисленным замалчиваемым погромам «нравственную восприимчивость к положению еврейского населения Польши и поляков еврейского происхождения демонстрировали в разные годы известные польские литераторы, хотя многие из них испытывали сильное влияние националистической идеологии» [8, с. 100].

Следует напомнить, что страдание не измеряется в количественных показателях, каждый конкретный случай в каждом произведении уже есть оплакивание, акт сострадания. В литературоведении США именно об этом многообразии жертв почему-то стало нормальным забывать, подходя к поэтическому материалу о войне. Отсюда и возник вопрос о 6 миллионах евреев или все-таки об 11 миллионах жертв нацизма среди мирного населения, подпадающих под термин *холокост*, включающих в свой состав евреев. Оставшиеся пять миллионов, по свидетельству П. Новика, цифра «либо сильно преуменьшенная (в отношении всех не-еврейских мирных граждан убитых третьим рейхом), либо очень высокая (в отношении всех групп, преследуемых, также как и евреи)» [5, р. 215] (здесь и далее за исключением оговоренных случаев перевод мой – А. Н.). Но следует учесть, что все дискуссии³ по поводу того, кого включать в категорию жертвы холокоста, а кого нет, (Э. Визель, президент США Д. Картер, С. Визенталь – автор цифры в 11 миллионов) начались в 1970-ые годы, и поэтому не распространяются на поэзию, создаваемую во время войны и в первые послевоенные годы. Поэты США подразумевали, даже если напрямую не использовали это слово, под холокостом всех жертв нацизма, были ли они прописаны как цель уничтожения или нет в официальных документах рейха⁴. Они скорее руководствовались известными строками из проповеди Джона Донна «смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством» (перевод Н. Волжиной и Е. Калашниковой) [11, р. 575], чем цифрами. Хотя в американской поэзии холокоста встречаются стихотворения, напрямую использующие число 6 миллионов: к примеру, Наоми Реплански (Naomi Replansky, род. 1918) «Шесть миллионов» [12, р. 112]. Или Ефим Фогель (Ephim Fogel, 1921–1992) в стихотворении «Груз в Майданек» [13, р. 66] приводит цифры, соответствующие количеству людей той или иной национальности или профессии, которые составляют партию «доставляемого груза». Понятно, что в данном случае эти цифры не являются статистическими, а служат художественному замыслу, на единичном примере показывающие «размах» конвейера смерти.

Таким образом, использование термина *холокост* (первая буква строчная) применительно к данной работе обосновывается следующими аргументами:

- 1) *холокост* обозначает уничтожение людей вообще (от землетрясений до атомной войны – Д. Петри⁵);
- 2) в изучаемый период поэзии США *холокост* воспринимался как понятие, обозначающее нацистские зверства ко всем (впервые Холокост, как термин применительно к геноциду евреев, стал широко использоваться в конце 50-х – Э. Визель предположительно один из первых, кто ввел *этот* термин в обиход);
- 3) в поэзии США изучаемого периода не было другого термина для обозначения гибели гражданского населения во время Второй мировой войны (П. Новик).

Поэтому, употребляя слово *холокост* применительно к поэзии США изучаемого периода, мы говорим о том широком явлении, которое эта поэзия охватывала именно в этот период. Рассматривая осмысление нацистских зверств исключительно в диахроническом ключе, можно показать многообразие тем и мотивов, которыми была наполнена американская поэзия холокоста в военные и послевоенные годы. Изменение вектора, если угодно, сужение тематики этой поэзии – вопрос не осмысления, а переосмысления итогов Второй мировой войны в литературе начиная с 70-х годов XX века.

Согласно исследователю англоязычной поэзии о войне Джонатану Болтону, «Вторая мировая война стала, без сомнения, катализатором литературной деятельности, но потребовалось значительное время, чтобы поэзия, написанная о войне, была включена в литературный канон» [15, р. 293]. Поэзия холокоста, благодаря созданному за прошедшие семьдесят лет массиву стихотворений, на сегодняшний день и есть литературный канон со своей динамикой, историей, кругом тем и перспективой. Свидетельством тому служат многочисленные переиздания антологий американской и европейской поэзии холокоста,

³ О том, как это затронуло вопросы систематизации литературных источников в Библиотеке Конгресса см. Дэвид Роскиес «Что такое литература Холокоста?» [10, р. 157 – 159].

⁴ Только в декабре 2009 года был обнаружен план «Ост», в котором прописано переселение за Урал и частичное уничтожение восточных славян. Белорусы, как никакой другой славянский народ, испытали на себе незавершенную реализацию этого плана. И поэтому *холокост* в значении *всесожжение* буквально соответствует тому, что происходило на белорусских землях.

⁵ Джон Петри (Jon Pertrie) в своей работе «Вечное слово “холокост”: научные мифы, история и значения в XX веке» [14, р. 31 – 63] рассматривает историю использования слова холокост от времен создания библейских текстов до наших дней. Показывает изменяющееся значение этого слова в зависимости от контекста употребления, и на основе научного, литературного и публицистического материала утверждает, что слово в большинстве случаев использовалось для обозначения массовой гибели людей. С развернутым текстом статьи Джона Петри можно ознакомиться по адресу – <http://www.berkeleyinternet.com/holocaust/>.

большое количество авторских сборников целиком посвященных данной теме, а также литературоведческие исследования, рассматривающие эту поэзию как отдельное литературное явление. Среди авторов встречаются имена крупных поэтов, признанных представителей различных традиций, а также имена поэтов, получивших известность благодаря данной теме. При этом следует учитывать тот факт, что авторами, стоявшими у истоков этой поэзии, в термин *холокост* вкладывался гораздо более широкий смысл. Поэзия жертв нацизма или поэзия о жертвах нацизма менее приемлемые определения, так как не соответствуют содержанию американской поэзии на данную тему в полной мере. Всё-таки поэзия холокоста в США – это поэзия преимущественно о страданиях еврейского народа; советской военной поэзии, для сравнения, не свойственно было выделять в качестве независимой темы поэзию о нацистских зверствах на оккупированных территориях или поэзию о партизанах, все эти стихи органично существуют в рамках поэзии о войне. Они не имели своей собственной истории и динамики, характерно отличающейся от основного корпуса военной поэзии. Поэзия холокоста, напротив, стала самостоятельной темой военной поэзии США, развивающейся отдельно от батальных стихотворений, основная масса которых была написана в военные и первые послевоенные годы.

Вопросы библиографии. Новейшей библиографией литературы холокоста, но, тем не менее, не претендующей на полноту, является составленная американским историком Бенном Уильямсом «Международная библиография литературы Холокоста» (2009). Помимо списка критических работ, мемуаров, эссеистики, романов, публицистики и драматургии, библиография предлагает 237 наименований книг поэзии по данной теме и сборников, куда наряду с отдельными текстами включены целые подборки или циклы [16, р. 349 – 359]. В большинстве своем это книги на английском или переведенные на английский, а также несколько произведений на идише, иврите, немецком, французском и итальянском языках. И хотя в библиографии приведены работы из многих национальных литератур (в том числе и советской), вполне закономерно, что огромное количество произведений не было учтено автором. Подобная ситуация (характерная не только для данной библиографии) сложилась из-за того, что подавляющее число поэтов не выделяло холокост в особую тему своего творчества: книги поэзии целиком и полностью посвященные холокосту – редкое явление. А также потому, что поэзия о нацистских зверствах по отношению к нееврейскому населению не акцентируется в критике и могла быть незамечена составителем. Следовательно, необходимо было проработать немалый объем материала в каждой национальной литературе, прежде всего, Европы (англоязычная поэзия США, Канады и Австралии достаточно широко представлена в разделе), чтобы составить полную библиографию поэзии холокоста, тем более что, как выразился Б. Уильямс, эта библиография «устареет еще до своей публикации» [16, р. 246]. Во многих национальных литературах стихи о нацистских зверствах по отношению к мирному населению не публиковались и не рассматривались в качестве отдельной темы, а были неотъемлемой частью антифашистской поэзии.

Контекст мировой литературы о холокосте весьма обширен. Систематизированным источником и путеводителем служит «Литература Холокоста. Энциклопедия писателей и их работ» в двух томах [17], [18]. Доходящие до восьми тысяч слов детальные статьи о трехстах авторах описывают реакцию на холокост в той или иной национальной литературе, каждая статья заканчивается исчерпывающей библиографией, включающей не только источники по творчеству писателя, но и работы, очерчивающие историко-культурный контекст произведений. Важным ориентиром в литературе холокоста выступает предисловие составителя «Энциклопедии» американского литературоведа Лилиан Кремер. Ее работа заканчивается «обзором различных национальных и региональных откликов на литературу Холокоста. Автор признает, что, несмотря на общность тематики, необходимо различать голоса немецкой литературы и австрийской литературы, что литература на идише – не та же самая, что на иврите, и что есть отличительные черты у канадских, британских и американских авторов» [19, р. 439]. Еще одним – меньшим по объему, но не менее значительным – источником служит «Энциклопедия литературы Холокоста» [20], изданная за год до «Энциклопедии писателей и их работ».

Говоря об истории американской поэзии холокоста, нужно отметить, что основополагающими стали труды поэтов, участвовавших (речь идет не только об участии в качестве военнослужащего) во Второй мировой войне, а также поэтов США, ставших отдаленными свидетелями нацистских зверств. Поэтому не совсем верно представление, что поэзия о геноциде народов Европы, поэзия преимущественно послевоенная или принадлежит по большей части второму послевоенному поколению авторов. Конечно, если соотнести количество написанного в годы войны и послевоенного десятилетия с написанным следующими поколениями, то покажется, что вклад поэтов периода войны и первых мирных лет сравнительно невелик. Но именно военные поэты, а в случае с европейскими авторами, это еще и поэты-узники концлагерей и поэты-участники подполья, являясь жертвами и очевидцами нацистских зверств и их последствий, восприняли и осмыслили холокост в своем творчестве как событие своей сегодняшней истории, истории еще не успевшей стать «черной памятью человечества». То же касается и гражданских поэтов США, пусть не воочию, но на расстоянии засвидетельствовавших события холокоста. Поэзия второго и последующих поколений – хотя и придерживающаяся основных тем и мотивов, заложенных в военных

и послевоенных произведениях – по сути, поэзия уроков, поэзия о мире, измененном Второй мировой войной.

Поэзия холокоста имеет сформированную и довольно обширную систему образов и мотивов, поэтому в ходе анализа американской поэзии помимо движения сквозь события и темы особое внимание уделяется ключевым образам, характерным как для поэтов США, так и для европейских поэтов. Если говорить о хронологических рамках холокоста, то к событиям непосредственного преследования, уничтожения и освобождения узников концентрационных лагерей следует добавить Нюрнбергский процесс (1945 – 1946) и суд над главным «архитектором холокоста» Адольфом Эйхманом (1961), который также нашел свое отражение в американской поэзии: Дениза Леверттов (Denise Levertov, 1923 – 1997) «Во время суда над Эйхманом» [21, р. 63 – 73]; и в канадской поэзии: Леонард Коэн (Leonard Cohen, род. 1934) «Все, что известно об Адольфе Эйхмане» [22, р. 122].

Помимо отдельных авторских изданий, мировая поэзия о холокосте во всем национальном многообразии известна западному читателю по нескольким англоязычным антологиям. К ним относятся: «Поэзия Холокоста» (1995) [23], «По ту сторону плача: свидетельства мировых поэтов о Холокосте» (1998) [24], «Правда и оплакивание: рассказы и стихотворения о Холокосте» (1994) [25], «Стихи Аушвица» (1999) [26], «Последняя колыбельная: стихи из Холокоста» (1999) [27] и антология поэтов второго поколения «Призраки Холокоста» (1989) [28]. В эти собрания включены стихотворения известных англоязычных авторов, таких как Стивен Спендер (Stephen Spender, 1909 – 1995), Уистан Оден (Wystan Auden, 1907 – 1973), Сильвия Плат (Sylvia Plath, 1932 – 1963), Энн Секстон (Ann Sexton, 1928 – 1974), Рэндалл Джаррелл (Randall Jarrell, 1914 – 1965) и многих других.

Существенное место занимает переводная поэзия авторов большинства европейских стран. Польская поэзия представлена стихотворениями Тадеуша Боровского (Tadeusz Borowski, 1922 – 1951), Чеслава Милоша (Czesław Miłosz, 1911 – 2004), Тадеуша Ружевица (Tadeusz Różewicz, род. 1921). С немецкоязычной поэзией холокоста читатель может познакомиться по произведениям Нелли Закс (Nelly Sachs, 1891–1970), Бертольта Брехта (Bertolt Brecht, 1898 – 1956), Петера Хухеля (Peter Huchel, 1903 – 1981), Пауля Целана (Paul Celan, 1920 – 1970). Антологии включают стихотворения венгерских поэтов Миклоша Радноти (Miklós Radnóti, 1909 – 1944) и Яноша Пилинского (János Pilinszky, 1921 – 1981), сербско-хорватского поэта Васко Попа (Vasko Popa, 1922 – 1991) и многих других представителей национальных поэзий Европы. Переведенные с русского стихотворения Бориса Слуцкого (1919 – 1986) и Евгения Евтушенко (род. 1933) также присутствуют на страницах этих книг. География поэзии холокоста весьма обширна и охватывает творчество австралийских поэтов: Лили Брэт (Lily Brett, род. 1946), Питер Портер (Peter Porter, род. 1929) и Денис Кеванс (Denis Kevans, 1939 – 2005).

Зарубежная поэзия холокоста представлена некоторыми авторами белорусского происхождения. К ним относится Авраам Суцкевер (1913 – 2010), уроженец Сморгони, эмигрировавший на запад и писавший на идише. Его военные стихи в переводе на английский с параллельными оригинальными текстами известны по книге «Смех под лесом: стихи из старых и недавних рукописей» (1996) [29]. Проникновенные стихи бойца партизанского отряда «Нарочанский лес» (1943) [28, р. 40], «Эпитафия» (1944) [29, р. 42], «После Холокоста» (1946) [29, р. 46], а также другие военные и послевоенные стихотворения еще ждут своего перевода на белорусский и русский языки. Аарон Курц (1891 – 1964), американский поэт, родившийся под Витебском, известен западному читателю по переведенной на английский язык книге «Марк Шагал» (1961) [30]. Военная поэзия А. Курца представлена книгой «No-rasagan: песни и стихотворения добровольцев, говорящих на идише, из интернациональных бригад времен гражданской войны в Испании» (1938) [31]. Американская поэтесса польского происхождения Галина Дегенфиш (Halina Degenfisz, род. 1936), публикуемая под псевдонимом Хелен Деген Коэн (Helen Degen Cohen), в воспоминании «Назад в Варшаву» [32] повествует о своем опыте спасения от нацистов в Беларуси. Девочку семи-восьми лет, Галину, с 1943 года укрывала женщина из Лиды, Мария Шмуска. В это время родители Галины воевали в партизанском отряде. После войны Г. Дегенфиш вернулась в Польшу, а затем переехала в США. Стихи Хелен Деген Коэн о холокосте представлены в книге «Васильки» (2009) [33] и в издании и переиздании антологии американской поэзии холокоста. Пребывание в гетто города Лида запечатлено в стихотворении «Вид из гетто», цветы, среди которых Галина пряталась в маленькой хижине, дали название стихотворению «Васильки», а затем и целой книге.

Американская поэзия о Второй мировой войне и, в частности, о холокосте предлагает дополнительный угол зрения как на феномен самой масштабной войны за всю историю человечества, так и на европейские национальные литературы, для которых антифашистская проблематика исторически неотъемлемая. Особенно важным исследование литературы США о Второй мировой войне видится в свете слов белорусского исследователя, американиста Ю.В. Стулова: «Проблема сохранения гуманистических ценностей остается, пожалуй, самой актуальной в сегодняшнем мире, переживающем крутую ломку устоявшихся понятий и норм, когда более не действуют стереотипы, складывавшиеся десятилетиями. Опыт американской культуры и литературы в подходе к человеку, его взаимоотношениям с обществом, выра-

ботке этических норм весьма ценен для человечества и дает возможность для сопоставления и плодотворного использования» [34, с. 3]. Тем более изучение реакции поэтов США на Вторую мировую войну и на отдельные события этой войны, выявление специфики этой реакции продолжает быть актуальной задачей литературоведения, особенно, если учесть, что Вторая мировая война не стала абсолютно неповторимым опытом для человечества: холодная война и последующие войны с участием США ярко проиллюстрировали это. На сегодняшний день единственным фундаментальным исследованием англоязычной военной поэзии от Первой мировой войны до войны во Вьетнаме является книга Лорри Голденсон «Разбирая славу: военная поэзия двадцатого века» (2003) [35]. И хотя автор монографии на примере лишь нескольких авторов характеризует особенности поэзии США и Великобритании о трех войнах, ее работу можно считать значительной главой в еще ненаписанной истории американской поэзии о войне. Тремя годами позже под ее редакцией вышла антология «Американская военная поэзия» (2006) [36], покрывающая творчество поэтов США от колониальных войн до конфликтов в Афганистане и Боснии.

Если ситуация жизни и смерти (особенно чужой) – проверка человека на человечность, то война – это проверка человечества, и литература по-прежнему остается точным альтиметром человеческого духа. Являясь самым чудовищным феноменом Второй мировой войны, холокост перевернул представление о человеке и цивилизации, показал, насколько масштабной может быть безжалостность одних людей к другим. Стихи о холокосте, воспринимаемые со слезами, стыдом за человека, позволяют читателю делать свой эстетический и этический выбор; это выбор между безразличием, которое, в конечном счете, может допустить повторение случившегося, и активным состраданием. Этот выбор сродни тому, который делал каждый участник войны, оказавшийся в том или ином положении, этот выбор делали и американские поэты, воевавшие и не воевавшие, освобождавшие концлагеря и выслушивавшие свидетельства спасшихся от нацизма. Тем более важно выяснить общие и частные моменты поэзии тех, кто писал в активной борьбе, и тех, кто издалека мог засвидетельствовать зверства нацистов.

Иосиф Бродский обыгрывая высказывание Достоевского, что «красота спасет мир» и утверждение Мэтью Арнольда, что «нас спасет поэзия», признает, что «мир, вероятно, спасти не удастся, но отдельно человека всегда можно» [37, с. 303]. Естественно, не стоит воспринимать идею спасения буквально. В физическом смысле стихи не спасли никого, не спасли они и венгерского поэта Миклоша Радноти, тело которого опознали в общей могиле лагеря по скрученным листам со стихами, обнаруженным в кармане одежды, не спасли они и многих неизвестных авторов, спрятанные стихи которых находили в различных местах освобожденных лагерей. Не спасли они и Павла Фридмана (Pavel Friedmann, 1921 – 1942) и пятнадцать тысяч других детей в лагере Терезиенштадт, стихи и рисунки которых были собраны и впервые изданы в Чехии (1961). Рисунки и переводы стихов детей, отправленных позже в Аушвиц и погибших там, представлены в книге «Я никогда не видел другой бабочки» [38] (на английском) и в книге «Я – блуждающий ребенок» [39] (переводы на русский – И. Лиснянской), являющейся вторым томом документально-художественной серии об узниках Терезиенштадта «Крепость над бездной». В этом смысле стихи о холокосте кроме мемориального значения являются предупреждением и рассчитаны на будущее.

Американская поэзия холокоста периода войны и первых послевоенных десятилетий помимо широко известных авторов представлена творчеством писателей, заслуживших репутацию и в других областях литературы и искусства. Кеннет Фиринг (Kenneth Fearing, 1902 – 1961) прославился как романист. Ганс Юргенсен (Hans Juergensen, 1919 – 2000) известен также как литературный критик и консультант Нобелевского комитета по литературе (1976 – 1980). Луис Симпсон (Louis Simpson, род. 1923) – признанный знаток поэзии XX века. Линкольн Кирстейн (Lincoln Kirstein, 1907 – 1996) в США знают больше как искусствоведа, основателя «Школы Американского Балета» в Нью-Йорке. Джон Чиарди (John Ciardi, 1916 – 1986) также известен как переводчик и комментатор «Божественной комедии». К этому списку следует добавить афроамериканского поэта Оуэна Додсона (Owen Dodson, 1914 – 1983), Энтони Хекта (Anthony Hecht, 1923 – 2004), Корнела Адама Лэнджила (Langyel Cornel Adam, род. 1915) и многих других.

Значительную часть поэзии холокоста США занимают американские еврейские поэты, такие как Джером Ротенберг (Jerome Rothenberg, род. 1931), Вильям Хиен (William Heyen, род. 1940), Рут Уитман (Ruth Whitman, 1922 – 1999), Джеральд Стерн (Gerald Stern, род. 1925). Творчество этих авторов представлено в книге Гариет Пармет «Реакция избранных американских поэтов на Холокост: кошмары наших дней» [40]. «Для этих поэтов, которые должны принять то, что они не могут игнорировать или отрицать, сочинительство становится нравственным долгом, оплакиванием, катарсисом, искуплением, историей и требованием человеческой отзывчивости; творчество для них сопротивление зверству и безразличию» [41, р. 78]. Помимо многих других уроженцев Соединенных Штатов и иммигрантов к самым известным поэтам современности относятся Яков Глатштайн (Jacob Glatstein, 1896 – 1971), Чарльз Фишман (Charles Fishman), Луис Даниель Бродски (Louis Daniel Brodsky, род. 1941) и Барбара Хельфготт Хьетт (Barbara Helfgott Hyett). Поэтический багаж американского еврейского поэта Бродски о холокосте включает четыре книги о жертвах, беженцах, о втором поколении переживших катастрофу, современном

восприятию трагедии: «Совершенная земля» (1989) [42]; «Падая с небес: стихи о Холокосте еврея и гоая» (1991) [43] в соавторстве с Вильямом Хиеном; «Вороны гестапо. Стихи о Холокосте» (1993) [44] и «Одиннадцатое потерянное колено. Стихи о Холокосте» (1998) [45].

В отличие от европейской американская литература – исходя из иного опыта Второй мировой войны – не могла иметь поэзию узников концентрационных лагерей. Вместо этого послевоенные авторы создавали книги стихов, основанные на беседах с выжившими заключенными и с теми, кто участвовал в освобождении. Такой книгой является сборник стихотворений Барбары Хиетт «В доказательство. Стихотворения об освобождении нацистских концентрационных лагерей» (1986) [46].

Темы и проблемы. Круг тем, покрываемых поэзией холокоста, отражен в названиях глав антологий «Поэзия Холокоста» и «По ту сторону плача: свидетельства мировых поэтов о Холокосте». Составители разделяют стихотворения по темам, однако это деление условно; не условны только темы, так как произведения многоплановы и могут касаться осмысления различных проблем. Тематически поэзия холокоста сводится к изображению истории геноцида (его предпосылок и ключевых событий), включая обширную географию концлагерей и других мест массового уничтожения людей, а также к рассмотрению возможности поэтического осмысления трагедии и анализу ее последствий для современного мира. Сюда следует добавить основные для поэзии холокоста образы: образы жертв и палачей, идейных вдохновителей холокоста, образы выживших; также специфические образы: дети, обувь, печи и другие.

Отдельной темой является тема «возможности поэзии после холокоста», которая позже стала темой «возможности поэзии холокоста», ее места в контексте литературы о второй мировой войне, а также в истории мировой поэзии. Главным аргументом против существования искусства, основанного на материале катастрофы, является тот факт, что автор, превращая холокост в объект искусства, уменьшает его значимость. Одним из разрешений этой полемики служит ответ Маргарет Страер, составительницы «По ту сторону плача», на рассуждения историка и писателя, узника концлагерей, Эли Визеля. На его слова, что «любая попытка превратить Холокост в искусство унижает Холокост и должна дать в результате плохое искусство» и что «нет метафор для Аушвица», М. Страер отвечает: «Аушвиц сам стал новой метафорой крайней степени порочности и невыразимой деградации, метафорой ада, в который одни человеческие существа повергают других» [24, р. xxii]. Основное противоречие, вызвавшее литературные, искусствоведческие и философские споры, крылось ранее не только в уместности описания трагедии невиданного ранее масштаба средствами поэзии, или даже не в том, насколько используемые в поэзии о войне или, к примеру, в жанре элегии, приемы пригодны для раскрытия темы холокоста. Использование образности холокоста для создания эстетического эффекта представлялось и представляется многим неэтичным даже при создании поэзии о холокосте. Естественно подобные споры не относятся к тем, кто писал в сопротивлении или в концлагерях, но кажется неправильным лишать этого права тех, кто явился свидетелем, пусть и отдаленным свидетелем кошмара нацистских зверств, и здесь не в последнюю очередь подразумеваются американские поэты.

Поэзия холокоста существует, и важным на данном этапе ее изучения видится не то, *что* изображается, а *как* изображается. Вопрос этики, таким образом, переходит из проблемы *передаваем ли холокост в поэзии* в проблему *какими средствами передаваем*. Споры о «возможности поэзии после холокоста» и «возможности поэзии холокоста» занимают едва не больше страниц, чем сама поэзия. Лоренс Лэнгер в своей книге «Холокост и творческая фантазия» дает наиболее четкое и последовательное обоснование и объяснение «возможности поэзии холокоста». «Истинность мнения Адорно, что преобразование искусством нравственного хаоса в эстетичную форму может в итоге исказить этот хаос и создать ощущение значимости и цели опыта Холокоста (и отсюда парадоксально оправдать его в эстетических понятиях), сильно зависит от того, как художник использует материал. А также от того, какие методы применяет, чтобы вовлечь аудиторию в мир его воображения» [47, р. 2]. Еще глубже вопрос *что* и *как* изображается разрешает Эрнст ван Альфен, разграничивая поэзию несколько отвлеченную, то есть поэзию субъективного переживания, и поэзию претендующую на документальное изображение событий. «Искусство и литература холокоста, которые не созданы по образцу документальных реалистических жанров, таких как свидетельство или воспоминания, но, тем не менее, оцениваемые как "хорошие" изображают это прошлое как непередаваемое. Это объясняет, почему поэзия холокоста, к примеру, Пауля Целана так почитаема, даже пусть она относится к сфере воображаемого. Канонический статус этой поэзии может показаться несоответствующим общему равнодушию, с которым ученые подходят к литературным изображениям холокоста. Тем не менее, в противоположность повествовательным художественным жанрам поэзия как жанр в некоторой степени отдалена от того, что представляется фактическими событиями. Поэзия холокоста обычно передает метафизическое отчаяние или личное отношение. Изображение этих вещей почему-то не вступает в конфликт с монополией исторических рассуждений по поводу холокоста. Но как только искусство или литература холокоста привлекает повествовательные элементы, которые относятся к исторической "реальности", пост-холокостная культура тут же подключает своих защитников. Повествовательные художественные образы или тексты признаются нарушителями строго-

го табу» [48, р. 4]. Еще одной проблемой существования литературы холокоста является возможность говорить от имени погибших людей, право конструировать их опыт в художественном произведении. Франц Фюман (Franz Fühmann, 1922 – 1984) говоря об изображении лагерей в литературе, «чистосердечно признает», что его «почти все прежние попытки изобразить жизнь в плену не удались» [49, с. 150].

Тем не менее, несмотря на неприемлемость повествовательного характера в поэзии холокоста, основные темы данной поэзии завязаны на фактических событиях истории. Составитель антологии «Поэзия Холокоста», исследовательница и поэтесса, Хильда Шиф располагает стихотворения по следующим темам (главам): «Отчуждение», «Гонение», «Истребление», «Спасители, свидетели, виновники», «Впоследствии», «Второе поколение», «Уроки», «Бог». И хотя стихотворения, собранные в этой антологии, описывают трагедию многих народов Европы, за основу взята история геноцида именно еврейского народа. В предисловии Х. Шиф, объясняя принципы отбора текстов для антологии, говорит, что она попыталась «включить как можно больше разнообразных поэтов, описывающих холокост с различных позиций» и таким образом «показать разноликость жертв» нацистов [23, р. xv]. Это решение продиктовано тем, что в американских исследованиях литература холокоста рассматривается только как еврейская тема. Х. Шиф подчеркивает: «Разумеется, и широко известно, численно это были евреи Европы, кого в подавляющем большинстве поразил холокост. Но также следует помнить, что это не исключительно так. В то время как администрация музея "Аушвиц" в Польше уже начала примиряться с первым фактом, многие литераторы на Западе только сейчас стали принимать во внимание последний» [23, р. xv]. Хотя за четырнадцать лет до выхода «Поэзии Холокоста» отметил другой американский писатель Уильям Стайрон (William Styron, 1925 – 2006) в интервью «Зачем я написал "Выбор Софии"»⁶: «Игнорировать существование этих жертв – даже если евреи определенно пострадали больше, чем другие – значит уменьшать ужас нацизма. Это значит недооценивать тоталитарный характер нацизма»⁷ [52, р. 248].

По свидетельству белорусского исследователя холокоста Эмануила Иоффе, «Библиография фундаментальных работ по Холокосту к 2003 году составила более 130 наименований. Большинство из них опубликовано на английском языке и иврите» [53]. На самом деле, даже если учитывать работы только по истории холокоста, на сегодняшний день эта цифра оказывается в несколько десятков раз больше. Достаточно обратиться к электронному каталогу Библиотеки Конгресса США [54], который предоставляет наиболее полную информацию по международной историографии холокоста. Западная историография и литературоведение в исследованиях массового истребления мирного населения Европы и СССР в концентрационных лагерях и на оккупированных территориях делает значительный – если не полный – упор на исключительную, а порой единственно еврейскую трагедию, забывая об остальных нациях и категориях европейских и советских граждан, уничтоженных с 1933 по 1945 годы. Вторым ограничивающим обзор исследователей моментом является подчеркнутое деление авторов на евреев и не-евреев, и, соответственно, рассмотрение произведений исходя из взглядов писателей, принадлежащих или не принадлежащих к еврейской нации. Подобное разграничение характерно для книги С. Израхи «Только словами: Холокост в литературе» [4] и для вводной статьи З. Копельман «Голоса из обители мертвых» [55] к антологии «Опечатанный вагон». Подобная позиция является крайностью, такой же крайностью, какой, с другой стороны, являлось официальное отношение правительства СССР к гибели евреев, когда на местах массового уничтожения еврейского населения в текстах мемориальных надписей вместо «евреи» написано «мирные советские граждане» [56, с. 398, с. 413]. И если в последнем случае подобная замена – учитывая политическую ситуацию – понятна, то взгляд на проблему западных исследователей, как историков, так и литературоведов, видится несколько близоруким; тем более учитывая межнациональный, общечеловеческий характер литературного материала, имеющегося у них в распоряжении.

Стихотворения в авторских сборниках, а также тексты, включенные в западные антологии о холокосте (хотя при отборе и систематизации последних составители брали за основу трагедию еврейского народа), в своем многообразии представляют собой единый неделимый поэтический корпус, увековечивающий память об уничтоженных фашистами мирных людях многих государств. Это позволяет говорить о поэзии холокоста в самом широком смысле слова, тем более что, по свидетельству Х. Шиф, западные исследователи постепенно начинают изучать судьбы миллионов жертв других народов. В подтверждение этого в предисловии к «Поэзии холокоста» приводятся две книги «Мозаика жертв: не-евреи преследуемые и убитые нацистами» (1990) [57] и «Другие жертвы» (1990) [58]. Однако это не единственные на сегодняшний день исследования, проливающие свет на уничтожение не относящихся к евреям лиц.

⁶ В контексте настоящего исследования необходимо привести характеристику романа Стайрона, данную Г.П. Злобиным: «роман предупреждает об опасности всех и всяческих форм *этнического избранничества* (курсив мой – А. Н.), националистического фанатизма и нетерпимости, расового угнетения и геноцида» [50, с. 213].

⁷ Исследователь американского романа о второй мировой войне С.Б. Белов приводит несколько иной перевод этого выражения Стайрона: «видеть в Освенциме только результат антисемитизма – значит недооценивать зло нацизма» [51, с. 44].

Изучению процесса истребления умственно и физически неполноценных граждан Германии посвящена книга Генри Фридлэндера «Истоки нацистского геноцида: от эвтаназии до окончательного решения» (1995) [59]. Вопрос возникает в связи с употреблением термина «эвтаназия». В обычном использовании, термин обозначает акт безболезненного умерщвления человека, который страдает смертельной и неизлечимой болезнью, но «нацисты использовали термин "эвтаназия", а также "милосердная смерть", в качестве эвфемизма, чтобы замаскировать убийства неполноценных людей. Они убивали их по расовым и евгеническим причинам, а не чтобы облегчить страдания человека. Эвтаназия не применялась к людям, страдающим общими физическими заболеваниями, такими как рак, а только к тем, чью жизнь считали "не стоящей жизни". Жертвы нацистов не страдали от смертельных болезней. И их смерти, конечно же, не были безболезненными» [59, р. ххi]. Более широкий спектр жертв покрывает сборник статей «Изгой общества» (2001) [60]. Однако все эти исследования не затрагивают судьбы миллионов граждан Европы, которые были уничтожены фашистами, как и в работе Евгения Розенבלата «Холокост в западных регионах Беларуси» [61]. В те же годы начали появляться англоязычные книги о национальных трагедиях конкретных народов. К ним относятся книга Ричарда Лукаса «Забытый холокост: поляки во время немецкой оккупации» [62] и книга воспоминаний об истреблении польского населения «Забытые выжившие: польские христиане вспоминают нацистскую оккупацию» [63].

Подробное освещение каждой национальной историографии холокоста – задача трудновыполнимая даже для монографического исследования по истории. Но одно можно сказать с уверенностью: ни в одном европейском государстве, а также в республиках Советского Союза ученые и люди искусства не забывали о том, что все мирные жители так или иначе становились жертвами холокоста. И если до второй мировой войны нацисты заботились о так называемой евгенике немецкого народа, то на оккупированных территориях речь шла об освобождении «жизненного пространства», о политике «выжженной земли» (ещё одна причина употребления термина *холокост*), что в итоге подразумевало смерть.

В исторической науке США мы имеем дело с сильным креном в сторону катастрофы еврейского населения, к пониманию этого факта только несколько лет назад стали приходить историки (П. Новик, Н. Филькенштейн). Речь не идет об «исследователях», которые отрицают сам факт массового уничтожения гражданского населения Европы (в первую очередь еврейского народа). Книга Д. Остина «Надувательство с шестью миллионами» [64] и книга Ричарда Верралла (псевдоним – Ричард Харвуд) «Шесть миллионов потеряно и найдено» или под другим заглавием «Действительно шесть миллионов погибли?» [65] являются примерами убедительной фальсификации. Переводы книги Харвуда выложены на многочисленных российских неофашистских сайтах. Эти и многие другие фальсификации, созданные в 70-х годах XX века, находят компетентные опровержения, например, в книгах «Отрицание Холокоста как международное движение» [66] Стивена Аткинса или «Отрицающая Холокост» [67] Деборы Липштадт.

Как это нередко случалось, литература запечатлела и осмыслила события гораздо раньше истории. Поэты, тем более поэты военных лет, еще задолго до окончания войны каждым, пусть небольшим штрихом или мазком создавали полотно картины, которое теперь известно под названием поэзия холокоста. К этой картине по идеологическим, политическим и по другим – не имеющим к литературе отношения – причинам добавляли другие штрихи, кое-где сгущали краски некоторые поэты послевоенного поколения. А западные литературоведы ставили перед читателем мутное стекло, принуждая рассматривать эти произведения под каким-нибудь одним углом зрения, хотя горе, принесенное войной мирным жителям, нельзя сводить к горю одного только народа, пусть и пострадавшего так сильно.

Еще в 1938 году Уистан Хью Оден в сонете XIV [68, р. 272] из книги «Путешествие на войну» предвосхищал массовость разворачивающихся событий, не забывая о роли и ответственности каждого отдельного человека.

Behind each sociable home-loving eye
The private massacres are taking place;
All women, Jews, the Rich, the Human Race.
The mountains cannot judge us when we lie:
We dwell upon the earth; the earth obeys
The intelligent and evil till they die.

За каждым дружелюбным домашним взглядом
Имеет место личная резня;
Всех женщин, всех евреев, богачей, всей расы человеческой.
Нас горы не осудят, когда мы лжем:
Мы остаемся на земле; земля терпит
И умного и злого, пока они не умрут.

И хотя вся книга сонетов основана на событиях китайско-японской войны, свидетелем которой стал Оден, восприятие войны на востоке проецировалось на надвигающуюся угрозу в Европе. Видя жертвы мирного населения Китая, Оден отчетливо понимал, что убийства женщин, стариков и детей в Нанкине ничем не отличаются от зверств в Германии, и что объекты преследования и истребления могут быть самыми разными. Эту, выражаясь словами Х. Шиф, «разноликость жертв» и ответственность каждого иллюстрирует имеющее множество вариантов стихотворение немецкого священника Мартина Нимёллера (Martin Niemöller, 1892 – 1984) «Когда они пришли за коммунистами» [цит. по 69, S. 75].

Als die Nazis die Kommunisten holten,
 habe ich geschwiegen;
 ich war ja kein Kommunist.
 Als sie die Sozialdemokraten einsperrten,
 habe ich geschwiegen;
 ich war ja kein Sozialdemokrat.
 Als sie die Gewerkschafter holten,
 habe ich geschwiegen,
 ich war ja kein Gewerkschafter.
 Als sie die Juden holten,
 habe ich geschwiegen;
 ich war ja kein Jude.
 Als sie mich holten,
 gab es keinen mehr,
 der protestieren konnte.

Когда нацисты пришли за коммунистами,
 я промолчал,
 ведь я не был коммунистом.
 Когда они посадили социал-демократов,
 я промолчал,
 ведь я не был социал-демократом.
 Когда они пришли за работниками профсоюза,
 я промолчал,
 ведь я не был работником профсоюза.
 Когда они пришли за евреями,
 я промолчал,
 ведь я не был евреем.
 Когда они пришли за мной,
 не осталось никого,
 кто мог возразить.

В других вариантах в тексте стихотворения Нимёллера появляются «католики» и «протестанты»¹. И хотя в большинстве англоязычных изданий перевод этого стихотворения начинается со строк «Вначале они пришли за евреями», как и в антологии «Поэзия Холокоста», изначальный вариант стихотворения изображает хронологически верную последовательность преследований. Трансформации, произошедшие с этим стихотворением, проливают свет на политику, проводимую различными заинтересованными кругами, в отношении того, кого все-таки считать жертвами Х/холокоста. Эти изменения, включения или не-включения тех или иных категорий граждан, весьма симптоматичны. В книге П. Новика наглядно продемонстрировано использование стихотворения Нимёллера. «Журнал "Тайм", вице-президент Эл Гор и спикер на съезде республиканской партии в 1992 году следуют примеру "Энциклопедии Холокоста", перемещая евреев с последнего места на первое: "Вначале они пришли за евреями". "Тайм", Гор и спикер республиканцев опустили коммунистов и социал-демократов; Гор также опустил и работников профсоюза. Все трое добавили католиков (их не было в первоначальном списке Нимёллера). Католики также добавлены к версии цитаты, высеченной на мемориале Холокоста в Бостоне, очень католическом городе. Музей Холокоста США сохраняет первоначальный список, аккуратно исключая коммунистов. В другие версии списка Нимёллера включены гомосексуалисты. Этот краткий обзор различных творческих редактур цитаты Нимёллера имеет ценность в том, что подчеркивает центральную позицию вопросов включения и исключения, но в некотором смысле это плохой пример того, что мы разбираем. Он включает, по крайней мере, преднамеренное искажение, но не обращается к центральной проблеме, о чем мы говорим, говоря о "Холокосте". Здесь нет искажений, преднамеренных или непреднамеренных, со стороны тех, кто говорит о шести миллионах, или тех, кто говорит об одиннадцати. Они говорят о разных вещах. Но за исключением тех, кто подобно Генрику Гринбергу², который вырывает крепостной ров вокруг шести миллионов и возводит подъёмный мост, эти разные понятия никогда четко не определялись. Даже Эли Визель, как мы увидели, предпочел двусмысленные афоризмы³ ясному различению границ» [5, p. 221]. На примере одного известного стихотворения, подвергнувшегося многим, преимущественно не-авторским редактурам, виден этот сильный крен в сторону однозначной интерпретации поэзии холокоста. Составители антологий стоят все же на стороне универсализации, поскольку игнорировать существование не укладывающихся в рамки Холокоста текстов невозможно по той причине, что они уже опубликованы в авторских книгах. Но рассматривать, тем не менее, предпочитают лишь «удобные» стихотворения.⁴

На страницах антологий поэзии холокоста появляются стихотворения американских поэтов из их ранних военных и первых послевоенных книг. Такие стихи как «Протоколы», «Беженцы», «Для эмигранта»

¹ А. Мейер-Фраатц, рассматривая творчество сербских писателей еврейского происхождения Александра Тишмы (р. 1924) и Данило Киша (1935–1989) пишет, что «благодаря тому, что оба были крещеными, они не стали непосредственными жертвами Холокоста» [70, с. 90]. Понятно, что когда Нимёллер пишет о «католиках» и «протестантах», то подразумевает духовенство, а не простых верующих. Однако остается неясным, как крещение могло спасти евреев от нацистов. Примером того, как крещение не уберегало евреев от лагеря, является судьба французского поэта Макса Жакоба (Max Jacob, 1876–1944), который, приняв католичество в 1915 году и став настолько религиозным, что даже уединился в монастыре в 1936 году, тем не менее, был отправлен в концентрационный лагерь, где и умер [71, p. 125].

² Имеются в виду работы писателя, поэта, эссеиста, актера Генрика Гринберга (Henryk Grunberg, род. 1936) «Присвоение Холокоста» (Appropriating the Holocaust) и «Не универсализуйте мемориал Холокост!» (Don't Universalize the Holocaust Memorial!), опубликованные в журналах *Комментарии* и *Мидстрим* в 1982 и 1986 гг. Реакция на распространение холокоста не только на евреев в общем и целом иллюстрируется доводом: «Разделение Холокоста с другими ... лишает евреев защитного щита, за который они заплатили» [цит. по 5, p. 336].

³ Это, в первую очередь, касается выражения «Не все жертвы были евреями, но все евреи были жертвами» [72, p. 163, 172].

⁴ Пример подобного анализа приводился нами в статье «Приглашение на казнь: изображение начала холокоста в поэзии США (на примере стихотворений К. Фиринга и Е. Фогеля)» [73, с. 82 – 88].

Рэндалла Джаррелла или вошедшее во множество антологий военной поэзии «Больше света! Больше света!» Энтони Хекта, или в канадской поэзии «Смерть партизанки: Россия» Тома Вэймана (Tom Wayman, род. 1945), равно как и стихотворение «Плач по цыганам» уроженца Польши, писавшего преимущественно на эсперанто, Джулиуса Бэлбина (Julius Balbin, 1917 – 2006), а также множество стихотворений⁵, посвященных памяти всех жертв нацистов, появляясь в изданных в США антологиях, постепенно дополняют картину холокоста для американского читателя. Вот почему в первую очередь надо изучать поэзию периода войны и первых послевоенных лет. Эти произведения, равно как и стихи тех, кто не выжил в концлагерях, но оставил поэтические свидетельства пережитого, или тех, кто писал по горячим следам, являются тем фундаментом, на котором начинала формироваться поэзия холокоста. Однако та поэзия, какой мы ее знаем сейчас, оказалась подвластна привходящим течениям идеологического характера, что не могло не отразиться на ее форме и содержании. Только с учетом последнего факта можно рассматривать историю этого жанра во всем его тематическом разнообразии, тем более некоторые вопросы возникли только спустя десятилетия после самих событий холокоста.

В антологии «По ту сторону плача: свидетельства мировых поэтов о Холокосте» составитель Маргарет Страер предлагает схожее с «Поэзией Холокоста» тематическое расположение текстов, но перед главами «Начало: предвестия и предсказания», «Кошмар становится реальностью», «In memoriam», «Освобождение» и «Впоследствии» располагается глава под названием «В защиту поэзии». В этой главе собраны стихи, которые отвечают на вопрос «Почему нужно писать о холокосте?». В свете изучаемого вопроса, ограниченного небольшим, но самым важным, периодом, ясно, что подобный вопрос не стоял для тех, кто начинал осмысливать холокост в художественных текстах задолго до его окончания. Тем более что послевоенный период показал, что создание литературы о войне в психологическом плане служило для авторов преодолением пережитого, хотя и не для всех: Пауль Целан, Примо Леви и Тадеуш Боровски покончили жизнь самоубийством. Тот факт, что в антологии «По ту сторону плача» из 280 текстов большинство принадлежит современным авторам, говорит о том, что вся эта книга не столько книга памяти, сколько книга-напоминание, книга-предупреждение.

Более сотни авторов, в том числе американских, включены в эти книги. Тем не менее, несколькими годами ранее Чарльзом Фишманом была составлена и издана антология «Кровь на память. Американские поэты о Холокосте» (1991) [74]. В книгу вошли произведения двухсот поэтов, преимущественно второго послевоенного поколения, но всё же особую роль в книге играют стихотворения поэтов, ставших непосредственными свидетелями нацистского террора. Литературовед, поэт-переводчик Яков Либерман так разграничивает европейскую и американскую поэзию холокоста: «Поэзия Холокоста, возникшая в СССР и странах Европы, – выражение боли и горя людей, имевших непосредственное отношение к трагедии, потерявших своих родных и близких. Поэзия, возникшая в Америке, – в меньшей степени отражение горя непосредственно опаленных огнем; она, скорее, его отзвук, эхо. Это, конечно, ни в коей мере не поэзия сторонних наблюдателей, но явление более аналитическое, выражающее отношение к Холокосту на всех его стадиях, от его зарождения до всеобщего непонимания, куда все это ведет, до его завершения и осмысления ответа на вопрос "как жить дальше?!"» [75, с. 77]. Тем не менее, хоть и необходимо учитывать, что Либерман говорит о еврейской поэзии Холокоста (с прописной буквы), то же касается и американской поэзии холокоста (строчное написание), поэзии, оплакивающей всех жертв нацистов.

Первой русскоязычной антологией мировой поэзии и прозы о холокосте является вышедшая в 2005 году книга «Опечатанный вагон. Стихи и рассказы о катастрофе» [76], однако в ней не имеется произведений американских авторов, что, видимо, обусловлено тем, что поэзия США на эту тему мало переводилась на русский язык. Несколько иная ситуация с книгой стихов «Ярость благородная. Антифашистская поэзия Европы» (1970) [77], на страницах которой в каждом разделе (национальная литература) присутствуют стихотворения узников концлагерей, солдат, освобождавших эти лагеря, множество произведений памяти жертв нацизма. Учитывая то, что книга включает европейскую поэзию о Второй мировой войне, Микола Бажан, автор предисловия, тем не менее, упоминает реакцию американских поэтов на Великую Отечественную войну. Для национальных литератур Европы, в частности для советской военной поэзии, до последнего времени не свойственно было выделять трагедию еврейского народа; в убитых мирных жителях видели, прежде всего, замученных нацистами людей. Не было анализа причин зверств, фашизм являлся злом по отношению ко всем. Для примера из множества произведений разных авторов можно привести стихотворение «Балта» [78, с. 9] малоизвестного советского поэта Ореста Высотского (1913 – 1993), внебрачного сына Николая Гумилева.

...Помню Балту: дождик капал скупю.
Танки шли по грязи и воде...
В сквере, на траве лежали трупы
Немцами расстрелянных людей.
Человек закрыл лицо руками,

⁵ Все эти стихотворения присутствуют на страницах разбираемых в статье антологий.

Видя смерть в глаза в последний миг.
 Девочка заколота штыками,
 С головой проломленной старик...
 Страшен сладковатый трупный запах,
 А они могли бы жить и жить!
 И мы шли стремительно на запад,
 Чтоб врага догнать и отомстить.

Благородная ярость двигала этих людей на борьбу со злом. Это, казалось бы, вырывающееся из контекста поэзии холокоста стихотворение на самом деле очень близко стихам 1941 – 1945 годов Ильи Эренбурга (1891 – 1967) [79, с. 440 – 471].

Мяли танки теплые хлеба,
 И горела, как свеча, изба.
 Шли деревни. Не забыть вовек
 Визга умирающих телег,
 Как лежала девочка без ног,
 Как не стало на земле дорог.

Или «Бабий Яр» или «В это гетто люди не придут...» из стихов военных лет. В том и заключается отличительная черта советской военной поэзии, что, к примеру, эти стихи Эренбурга одинаково близки и стихам Твардовского, и Кулешова, при этом они органично дополняют произведения Бориса Слуцкого (1919 – 1986), чей сборник стихов и прозы «Теперь Освенцим часто снится мне...» [80] можно считать отдельной авторской художественной книгой о холокосте на русском языке. Помимо «Ярости благородной» еще одной русскоязычной антологией, включающей произведения мировой поэзии о холокосте, является книга «Во имя жизни. Зарубежные поэты о мире» [81]. Насколько стихи о холокосте стали неотъемлемой частью военной поэзии многих национальных литератур свидетельствует тот факт, что редкая антология, даже посвященная исключительно батальной поэзии о Второй мировой, обходится без этой темы. Это в полной мере относится к американским и британским книгам «Страшный дождь. Поэты войны 1939 – 1945» (1966) [82], «Стихи о Второй мировой войне» (1985) [83], «Военный устав. Собрание поэзии о Второй мировой войне» (1990) [84] и «Поэты Второй мировой» (2003) [85]. Даже антология англоязычной поэзии о войне со времен Шекспира до второй половины XX века содержит стихотворения У.Х. Одена, Р. Джаррелла, П. Леви и Д. Хилла, посвященные холокосту [86].

Одной из последних фундаментальных работ, охватывающих широкий контекст американской поэзии холокоста, является монография Сюзан Губар «Поэзия после Аушвица: воспоминание о том, чего никто не знал» (2003) [87]. Помимо подведения итогов дискуссии о поэзии холокоста, автор высказывает предупреждение, существенное для характеристики отношения западных писателей и исследователей к холокосту. «В действительности, каждый, кто занят в научной области вопроса Холокоста, неизбежно сталкивается с опасностью "распродажи горя", превращая тяжкие страдания в риторическое удовольствие или в профессиональный заработок почти таким же образом, как и писатели, обвиняемые в поиске вознаграждения за художественные отклики на Холокост» [87, р. 5]. Слова Сюзан Губар символичны для сегодняшней ситуации изучения холокоста на западе. Определенное невнимание к некоторым проблемам, замалчивание деталей продиктовано вопросами не столько идеологическими, сколько финансовыми. Публикация художественных произведений, проведение академических исследований сильно зависят от того, на что будут выделяться деньги, а на что нет. И уже сама постановка вопроса *что изучать* является дополнительным актом осквернения памяти погибших евреев, русских, белорусов, поляков и других народов Европы. Интересным в данной связи является тот факт, что книги (в первую очередь Питера Новика и Нормана Филькенштейна), в которых поднимаются вопросы распродажи холокоста с указанием конкретных примеров политики некоторых организаций, издаются на деньги самих авторов и находятся в свободном доступе в интернете.

Свидетельств неполного рассмотрения ситуации в общественном восприятии событий и их художественной реализации в литературе много. Так, основываясь на работах бывшего директора Германороссийского музея Берлин-Карлсхорст Петера Яна и на конкретных произведениях немецкой прозы, исследователь Е. Степанова, показывает, что ни советские граждане, ни мирное население других подвергшихся нацистской агрессии стран, «не являются частью немецкой "культуры памяти" и политической культуры». Вывод исследовательницы, хоть и проживающей в Берлине, может показаться не совсем корректным, но ею приводятся данные, которые легко проверить, и которые основаны не только на ее видении политической и литературной ситуации. «В речах, произносимых ежегодно 27 января⁶ в "День памяти жертв национал-социализма", присутствует прочный набор жертв нацизма: евреи (при этом речь идет, как правило, исключительно о тех евреях, что стали жертвами организованного уничтожения в лагерях смерти, и о немецких евреях, но не о жертвах гетто, карательных отрядов и вермахта на оккупиро-

⁶ Другое название – Всемирный день холокоста, проводится 27 января в честь освобождения Советской Армией концентрационного лагеря Освенцим (учрежден Генеральной Ассамблеей ООН, Резолюция № 60/7) [89, с. 32].

ванных территориях СССР и других государств Восточной Европы, составивших около 40 % всех жертв геноцида евреев), цыгане, люди с психическими и физическими недостатками, политические противники режима, гомосексуалисты. Три с половиной миллиона советских военнопленных, умерших от голода в нацистских лагерях, более одного миллиона жителей Ленинграда, погибших во время блокады, а также миллионы советских граждан, ставших жертвами войны на уничтожение, в этих речах не упоминаются» [88, с. 213]. Помимо дня памяти жертв национал-социализма, устойчивое отождествление холокоста с трагедией еврейского народа поддерживает и другая дата – день памяти жертв холокоста⁷. Интересен и тот факт, что подходу к вопросу холокоста в литературе, и в частности в поэзии, некоторые российские исследователи не избежали влияния западных ученых и так же узко рассматривают отображение событий геноцида в поэзии и прозе Европы и США. В качестве примера можно привести работу А.Л. Савченко «"Холокост осени" Десмонда Игана: вторая мировая война глазами ирландского поэта» [90, с. 39 – 44]. Понятно, что подобное рассмотрение по большей части продиктовано самим материалом, но в случае с Десмондом Иганом (Desmond Egan, род. 1936) именно наличие параллели между ирландским и еврейским народом не позволяет забывать о судьбах жителей большинства европейских государств, в той или иной степени пострадавших от зверств нацистов.

Поэзия не является альтернативой истории, но глубокое проникновение в поэтические тексты американских авторов, запечатлевшие восприятие такого неоднозначного события как холокост, помогает преодолеть исторические стереотипы, сложившиеся во второй половине XX века. Холодная война, конфликт идеологий не позволяли широко американскому читателю трезво взглянуть даже на собственное литературное наследие Второй мировой войны. С нашей стороны изучение военной поэзии США, в частности о холокосте, способствует определению вклада американских поэтов периода Второй мировой в антифашистскую поэзию, что, в свою очередь, расширяет обзор мировой поэзии о войне. Особое место занимают стихотворения поэтов военного периода в истории поэзии холокоста не только потому, что они были первыми, кто обозначил эту тему как одну из ведущих тем поэзии о Второй мировой войне. Заслужив репутацию крупных поэтов еще до войны, они смогли в первые послевоенные годы привлечь к ней внимание как к серьезной теме. Заслуга поэтов периода войны заключается еще и в том, что они создали новый поэтический жанр, жанр, если можно так выразиться, массовой элегии, поэзии в память о миллионах. Главная роль здесь отводится поэтам, принимавшим участие во Второй мировой войне: Рэндаллу Джарреллу, Луису Симпсону, Гансу Юргенсену, Линкольну Кирстейну, Джону Чирарди, Ефиму Фогелю и многим другим.

Подходы к изучению. Существует несколько возможных подходов к изучению американской поэзии холокоста: от непосредственного анализа образности и ее специфики, обусловленной совершенно новым историческим и литературным материалом, до историко-социального подхода, по мнению И.В. Шабловской, умаляющего ценность литературы о войне. «Эмоциональное отношение к проблематике и стоящим за ней событиям противится академическому литературоведческому анализу и в определенной мере сковывает научно-теоретический подход к теме. Литература о Второй мировой войне – объект сложный и неоднозначный: порою она провоцирует критико-публицистическое к себе отношение, одностороннее, историко-социальное, рассмотрение фактов. Идеологическая определенность такой литературы ... воспринималась нередко как ее единственная ценность» [91, с. 4]. То же в полной мере относится и к литературе о холокосте. В настоящей работе используется историко-контекстуальный метод, основные положения которого излагаются в ряде работ А.А. Гугнина [92; 93, с. 5 – 22, с. 133 – 176; 94, с. 200 – 227; 95]. Данный метод представляется самым последовательным и продуктивным подходом к изучению своеобразия американской поэзии холокоста. Поэтапное изучение поэтического отображения событий холокоста от начала преследований нацистами неугодных граждан собственного государства до осмысления последствий геноцида народов Европы и Советского Союза для послевоенного мира является целью исследования. При этом анализируются общие для американской и европейской поэзии холокоста образы и мотивы. Согласно этому методу, определением художественной ценности и места в литературном процессе поэзии холокоста военных лет можно и нужно заниматься только на стыке двух контекстов: в контексте антифашистской поэзии Европы и СССР, рассматривая произведения и общественно-политическую ситуацию тех лет, и в контексте развития литературы о холокосте. Даже библиография начального этапа поэзии холокоста все еще нуждается в систематизации. Поэтому произведения ключевых фигур исследования Р. Джаррелла, Л. Кирстейна, Э. Хекта, Г. Юргенсена, Л. Симпсона в первую очередь должны рассматриваться в контексте военной поэзии США и антифашистской поэзии Европы периода 40-х – 60-х годов.

Последовательное изучение отображения холокоста в поэзии США предполагает следующие этапы: 1) изучение восприятия холокоста американскими поэтами в свете общественно-политической ситуации в США 1933–1945 годов; 2) выявление особенностей поэзии США о преддверии холокоста (ключевые

⁷ 19 апреля 1943 года – восстание в Варшавском гетто.

произведения – Р. Джаррелл «Протоколы», «Для эмигранта», Г. Юргенсен «Шрам-Август», Л. Кирстейн «Хрустальная ночь»); 3) анализ отклика на проблемы беженцев (ключевые произведения – Р. Джаррелл «Беженцы», У.Х. Оден «Блюз беженцев»); 4) рассмотрение реакции на начало холокоста (ключевые произведения – К. Фиринг «Рекламное объявление», Е. Фогель «Груз в Майданек», К. Лэнджил «Перевозка детей»); 5) определение особенностей поэзии о непосредственном уничтожении и освобождении концентрационных лагерей (ключевые произведения – Л. Симпсон «Птица», Э. Хект «Больше света! Больше света!», Р. Джаррелл «В лагере был один выживший» и «Лагерь в прусском лесу»). Естественно, что подобная схема несколько условна, поскольку изучаемые произведения многоплановы и касаются множества вопросов, а также потому, что часть других значительных стихотворений не подпадают под эту схему, но не учитывать их нельзя.

Выводы. Поэзия холокоста (строчное написание) в США, касающаяся отражения нацистских зверств на территории Европы и СССР вообще, относится к периоду войны и первым послевоенным годам. В 50-х годах XX века утвердился термин Холокост (первая буква – прописная) в качестве понятия, обозначающего преследование и уничтожение еврейского населения. Иными словами благодаря многим факторам (идеологическим – противостояние СССР, политическим – образование государства Израиль, культурным – эмигрантская литература и многим другим) сложилась такая ситуация, когда вся американская поэзия о нацистских преступлениях от истоков до наших дней стала рассматриваться под знаком Холокоста. Но то, что верно для ситуации конца 1950-х годов, не совсем верно для времени войны и первых послевоенных лет. Да, стихотворение Э. Хекта «Больше света! Больше света!» написано в начале 1960-х, но при его изучении следует учитывать тот факт, что оно явилось следствием воспоминаний и размышлений раннего периода, начиная от освобождения Бухенвальда, и замысел его выходит далеко за пределы осмысления ужасов зверств нацистов.

Так как холокост как историческое явление хронологически занимает период больший, чем Вторая мировая война, в ходе исследования привлекается широкий контекст антифашистской поэзии Европы и США как предвоенных и военных лет, так и послевоенных десятилетий. Учитывая отличный от европейских государств опыт восприятия нацистских зверств поэтами США, рассматривается своеобразие американской поэзии холокоста, обусловленное двойным взглядом на многолетнюю трагедию. В первом случае это поэзия непосредственных участников (иммигрантов и военных поэтов), во втором – поэзия тех, кто, заочно засвидетельствовав фашистские преступления против человечества, из-за океана дал оценку случившемуся в Европе, не забывая о ситуации в собственной стране и ее роли во Второй мировой войне. Но оба этих взгляда сводятся, в конечном счете, к единому с европейской поэзией холокоста корпусу стихотворений. Поэзия холокоста Европы и США оказывается неразличимой во всем эмоциональном напряжении, насколько могут быть неразличимы слова страдающего и сострадающего. Несмотря на единство двух поэзий уже на первом этапе изучения, не вдаваясь в глубокий анализ текстов, можно заключить, что одной из отличительных особенностей поэзии США является то, что поэзия о геноциде народов Европы не ограничивается катастрофой еврейского народа, что, в свою очередь, не отражено в исторических и литературоведческих исследованиях. Благодаря подобному взгляду сложилась ситуация, когда из первоначального термина *холокост*, относящегося ко всем погибшим мирным гражданам и пленным военным служащим, выделилось понятие *Холокост*, которое используется для обозначения геноцида евреев как исключительного явления фашистских зверств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никифоров, А.А. Особенности восприятия холокоста американскими поэтами в свете общественно-политической ситуации в США 1933 – 1945 гг. / А.А. Никифоров // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Сер. А. Гуманит. науки. – 2010. – № 1. – С. 155 – 163.
2. Rowland, A. Holocaust Poetry: Awkward Poetics in the Work of Sylvia Plath, Geoffrey Hill, Tony Harrison and Ted Hughes / A. Rowland. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2005. – 192 p.
3. Young, G.L. The Moral Function of Remembering: American Holocaust Poetry / G.L. Young // Studies in American Jewish Literature. № 9.1, 1990. – P. 61–72.
4. Ezrahi, S.D. History Imagined: The Holocaust in American Literature / S.D. Ezrahi // By Words Alone: The Holocaust in Literature. – Chicago: University of Chicago Press, 1982. – Chapter 8. – P. 176–216.
5. Novick, P. The Holocaust in American Life / P. Novick. – Boston, New York: Houghton Mifflin Company, 1999. – 373 p.
6. Лэнг, Д. Армяне. Народ-созидатель / Д. Лэнг; пер. с англ. Е.Ф. Левиной. – М.: ЗАО «Центрполиграф», 2006. – 350 с.
7. Фромм, Э. Психология нацизма / Э. Фромм // Бегство от свободы: Пер. с англ. / Общ. ред. П.С. Гуревича. – М.: Прогресс, 1995. – С. 175 – 200.

8. Тихомирова, В.Я. Война и национальные судьбы. Тема Холокоста / В.Я. Тихомирова // Польская проза о второй мировой войне в социокультурном контексте (1989 – 2000). – М.: ЗАО «Солид», 2004. – С. 94 – 123.
9. Медведева, О.Р. Польская литература периода второй мировой войны / О.Р. Медведева // История литератур западных и южных славян. В III т. Т. III: Литература конца XIX – первой половины XX века (1890-е годы – 1945 год). – М.: Индрик, 2001. – С. 743 – 767.
10. Roskies, D.G. What is Holocaust Literature? / D.G. Roskies // *Jews, Catholics and the Burden of History*. Ed. by E. Lederhendler. – New York: Oxford University Press, 2005. – P. 157 – 231.
11. Donne, J. *The Works of John Donne*. In 6 volumes. Vol. 3. / J. Donne. – London: John W. Parker, West Strand, 1839. – 614 p.
12. Replansky, N. *Six Million* / Naomi Replansky // *Blood to Remember. American Poets on the Holocaust* / ed. by Ch. Fishman. – Lubbock: Texas Tech University Press, 1991. – P. 112.
13. Fogel, E. *Shipment to Maidanek* / Ephim Fogel // *Blood to Remember. American Poets on the Holocaust* / ed. by Charles Fishman. – Lubbock: Texas Tech University Press, 1991. – P. 66.
14. Petrie, J. The secular word HOLOCAUST: scholarly myths, history, and 20th century meanings / Jon Petrie // *Journal of Genocide Research*. Vol 2. Issue 1. 2000. – P. 31 – 63.
15. Bolton, J.W. *Lines (In)Formation: Anglophone Poetry in the Second World War* / J.W. Bolton // *World War II in Asia and the Pacific and the war's aftermath, with general themes: a handbook of literature and research* / Ed. by Loyd E. Lee; foreword by Carol N. Gluck. – Westport, 1998. – P. 293 – 304.
16. Williams, B.E. *An International Bibliography of Holocaust Literature* / B.E. Williams // *Re-examining the Holocaust through Literature* / Ed. by Aukje Kluge and Benn E. Williams. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2009. – P. 245 – 386.
17. *Holocaust Literature. An Encyclopedia of Writers and Their Work*. V I. Agosin to Lentin / Ed. by L. Kremer. – New York and London: Routledge, 2003. – 744 p.
18. *Holocaust Literature. An Encyclopedia of Writers and Their Work*. V II. Lerner to Zichlinsky. Index / Ed. by L. Kremer. – New York and London: Routledge, 2003. – 745 – 1499 p.
19. Cory, M.E. Review: *Holocaust Literature. An Encyclopedia of Writers and Their Work* by S. Lillian Kremer / M.E. Cory // *German Studies Review*. – May 2004. – Vol. 27. – No. 2. – P. 439 – 440.
20. *Encyclopedia of Holocaust Literature* / Ed. by D. Patterson, A.L. Berger, S. Cargas. – Westport, Connecticut; London: Oryx Press, 2002. – 263 p.
21. Levertov, D. *Denise Levertov: Poems 1960–1967* / D. Levertov. – New York: New Directions, 1983. – 256 p.
22. Cohen, L. *Selected Poems 1956–1968* / L. Cohen. – Toronto: Viking Press, 1968. – 245 p.
23. *Holocaust Poetry* / ed. and with an introduction by H. Schiff. – New York: St. Martin's Griffin, 1995. – 234 p.
24. *Beyond Lament: Poets of the World Bearing Witness to the Holocaust* / ed. and with an introduction by M. M. Striar. – Evanston: Northwestern University Press, 1998. – 565 p.
25. *Truth and Lamentation: Stories and Poems on the Holocaust* / ed. by M. Teichman and S. Leder. – Chicago: University of Illinois Press, 1994. – 495 p.
26. *Auschwitz Poems: an anthology* / Ed. by A. Zich. – Auschwitz-Birkenau State Museum, 1999. – 415 p.
27. *Last Lullaby: Poetry From the Holocaust* / edited by A. Kramer. – Syracuse University Press, 1999. – 280 p.
28. *Ghosts of the Holocaust: Poetry of the Second Generation* / ed. by S.J. Florsheim, foreword by G. Stern. – Detroit: Wayne State University Press, 1989. – 190 p.
29. Sutzkever, A. *Laughter Beneath the Forest: Poems From Old and Recent Manuscripts* / A. Sutzkever; translated from Yiddish by Barnett Zumoff, with an introductory essay by Emanuel S. Goldsmith. – Hoboken: KTAV Publishing House, 1996. – 179 p.
30. Kurtz, A. *Marc Chagall* / A. Kurtz. – French American Gallery, 1961. – 92 p.
31. Kurtz, A. *No-pasaran: Songs and poems by Yiddish-speaking volunteers in the Spanish Civil War's International Brigade* / A. Kurtz. – New York, 1938.
32. Degen Cohen, H. *Return to Warsaw* / H. Degen Cohen // *The House on Via Gombito: Writing by North American Women Abroad* / Ed. by M. Sprengnether and C.W. Truesdale. – New Rivers Press, 1997. – P. 196 – 208.
33. Degen Cohen, H. *Habry* / H. Degen Cohen. – The Puddin'head Press, 2009. – 83 p.
34. Стулов, Ю.В. США: на перекрестке мнений / Ю.В. Стулов // *Материалы международных конференций. Человек в контексте культуры и литературы США*. Вып. 1 / Минск: Центр американских исследований Европейского гуманит. ун-та, 1996. – С. 3.
35. Goldensohn, L. *Dismantling glory: twentieth-century soldier poetry* / L. Goldensohn. – New York: Columbia University Press, 2003. – 372 p.
36. *American War Poetry* / Ed. by L. Goldensohn. – New York: Columbia University Press, 2006. – 413 p.
37. Бродский, И.А. Нобелевская лекция / И.А. Бродский // *Поклониться тени: Эссе*. – СПб.: Азбука-классика, 2001. – С. 297 – 313.

38. I Never Saw Another Butterfly. Children's Poems and Drawings From Terezin Concentration Camp, 1942–1944 / New York: Schocken Books, 1994. – 128 p.
39. Макарова, Е. Крепость над бездной. Я – блуждающий ребенок. Дети и учителя в гетто Терезин, 1941–1945 / Е. Макарова, С. Макаров. – М.: Мосты культуры, 2005. – 423 с.
40. Parmet, H.L. Selected American Poets Respond to the Holocaust: The Terror of Our Days / H.L. Parmet. – Lehigh University Press, 2001. – 268 p.
41. Parmet, H.L. Review: Selected American Poets Respond to the Holocaust: The Terror of Our Days / H.L. Parmet // *Modern Language Studies*, Vol. 24, No. 4, Holocaust Literature (Autumn, 1994), P. 78–85.
42. Brodsky, L.D. The Thorough Earth / L.D. Brodsky. – St. Louis: Time Being Books, 1989. – 52 p.
43. Brodsky, L.D. Falling from Heaven. Holocaust Poems of a Jew and a Gentile. (co-written by William Heyen) / L.D. Brodsky. – St. Louis: Time Being Books, 1991. – 109 p.
44. Brodsky, L.D. Gestapo Crows. Holocaust Poems / L.D. Brodsky. – St. Louis: Time Being Books, 1993. – 108 p.
45. Brodsky, L.D. The Eleventh Lost Tribe. Poems of the Holocaust / L.D. Brodsky. – St. Louis: Time Being Books, 1998. – 105 p.
46. Hyett, B.H. In Evidence. Poems of the Liberation of Nazi Concentration Camps / B.H. Hyett. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1986. – 161 p.
47. Langer, L.L. The Holocaust and the Literary Imagination / L.L. Langer. – London: Yale University Press, 1977. – 313 p.
48. Alphen, E. van. Caught by History: Holocaust Effects in Contemporary Art, Literature and Theory / E. van Alphen. – Stanford University Press, 1998. – 233 p.
49. Фюман, Ф. Я не могу уйти от этой темы / Ф. Фюман // *Вопросы литературы*. – 1970. – № 12. – С. 149–150.
50. Злобин, Г.П. По ту сторону мечты. Страницы американской литературы XX века / Г.П. Злобин. – М.: Худож. лит., 1985. – 333 с.
51. Белов, С.Б. Современный американский роман о войне / С.Б. Белов. – М.: Знание, 1987. – 64 с.
52. Braudeau, M. Why I wrote “Sophie’s Choice”. An interview with William Styron / M. Braudeau, W. Styron // *Conversations with William Styron*. Ed. by James L.W. West. – The University Press of Mississippi, 1985. – P. 243–255.
53. Иоффе, Э. Летопись Холокоста в СССР / Э. Иоффе // *Беларусь у XX стагоддзі, сборник научных трудов*. Выпуск 3. [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: <http://www.homoliber.org/ru/xx/xx030402.html>. – Дата доступа: 08.11.2009.
54. Library of Congress Online Catalog [Electronic Resource] – 2009 – Mode of access: <http://www.catalog.loc.gov>. – Date of access: 03.12.2009.
55. Копельман, З. Голоса из обители мертвых / З. Копельман // *Опечатанный вагон. Стихи и рассказы о катастрофе*. – М.: Мосты культуры, 2005. – С. 9–48.
56. Альтман, И.А. Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 / И.А. Альтман. – М., 2002 – 544 с.
57. A Mosaic of Victims, Non-Jews Persecuted and Murdered by the Nazis / edited by Michael Berenbaum. – New York: New York University Press, 1990. – 244 p.
58. The Other Victims: First-person Stories of Non-Jews Persecuted by the Nazis / edited by Ina Friedman. – New York: Houghton Mifflin Company, 1990. – 228 p.
59. Friedlander, H. The Origins of Nazi Genocide: from Euthanasia to the Final Solution / Henry Friedlander. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1995. – 448 p.
60. Social Outsiders in Nazi Germany / Ed. by Robert Gellately and Nathan Stoltzfus. – Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2001. – 332 p.
61. Rosenblat, Y. The Holocaust in Western regions of Belarus / Y. Rosenblat // *The Vanished World of Lithuanian Jews* / Ed. by A. Nikžentaitis, S. Schreiner, D. Staliūnas. – Amsterdam; New York: Rodopi, 2004. – 323 p.
62. Lucas, R.C. Forgotten Holocaust: The Poles under German Occupation 1939 – 1944 / Richard C. Lucas. – Hippocrene Books, 2001. – 358 p.
63. Forgotten Survivors: Polish Christians Remember the Nazi Occupation / ed. by Richard C. Lucas. – University Press of Kansas, 2004. – 232 p.
64. Austin, J.A. The Six Million Swindle / J. App. Austen. – AAARGH EDITIONS, 2009. – 28 p.
65. Harwood, R. Did Six Million Really Die? / R. Harwood; 2nd Edition. – AAARGH EDITIONS, 2005. – 41 p.
66. Atkins, S.E. Holocaust Denial as an International Movement / S.E. Atkins. – London: Praeger Publishers, 2009. – 320 p.
67. Lipstadt, D.E. Denying the Holocaust / D.E. Lipstadt. – New York: PLUME, 1994. – 278 p.
68. Auden, W.H. “In time of War” A Sonnet Sequence. Sonnet XIV / W.H. Auden, Ch. Isherwood // *Journey to a War*. – London: Faber and Faber Limited, 1939. – 301 p.
69. Sternstein, W. Mein Weg zwischen Gewalt und Gewaltfreiheit: Autobiografie / W. Sternstein. – Norderstedt: Books of Demand, 2005. – 488 S.

70. Мейер-Фраатц, А. Память и воспоминание: Холокост в произведениях Александра Тишмы и Данило Киша / А. Мейер-Фраатц // Опыт истории – опыт литературы. Вторая мировая война: Центральная и Юго-Восточная Европа / Отв. ред. С.А. Шерлаимова; Ин-т славяноведения РАН. – М.: Наука, 2007. – С. 88 – 97.
71. O'Neil, M.A. Max Jacob – Meditation as Play / M.A. O'Neil // Play, Literature, Religion: Essays in Cultural Intertextuality / Ed. by V. Nemoianu, R. Royal. – New York: State University of New York Press, 1992. – P. 125 – 140.
72. Wiesel, E. Against the Silence: the Voice and Vision of Elie Wiesel / E. Wiesel, I. Abrahamson. – New York: Holocaust Library, 1985. – 1068 p.
73. Никифоров, А.А. Приглашение на казнь: изображение начала холокоста в поэзии США (на примере стихотворений К. Фиринга и Е. Фогеля) / А.А. Никифоров // Вестник Гродненского гос. ун-та им. Я. Купалы. Сер. 3. – 2010. – № 2 (98). – С. 82 – 88.
74. Blood to Remember. American Poets on the Holocaust / ed. by Ch. Fishman. – Lubbock: Texas Tech University Press, 1991. – 426 p.
75. Либерман, Я.Л. Американское эхо Холокоста / Я.Л. Либерман // Урал. – 2004. – № 11. – С. 76 – 83.
76. Опечатанный вагон. Стихи и рассказы о катастрофе. – М.: Мосты культуры, 2005. – 368 с.
77. Ярость благородная. Антифашистская поэзия Европы. 1933–1945 / вступ. ст. М. Бажан. – М.: Худож. лит., 1970. – 486 с.
78. Высотский, О. Балта / О. Высотский // Альманах «Поэзия». – 1990. – № 56.
79. Эренбург, И.Г. Собрание сочинений в 9 т. / И.Г. Эренбург. – М.: Худож. лит., 1964. – Т. 3. – 511 с.
80. Слуцкий, Б.А. Теперь Освенцим часто снится мне...: Стихи, проза / Б.А. Слуцкий; сост., вступ. ст. и коммент. П.З. Горелика. – СПб.: Журн. «Нева», 1999. – 124 с.
81. Во имя жизни: зарубежные поэты о мире. – М.: Правда, 1984 – 527 с.
82. Terrible Rain. The War Poets 1939 – 1941 / Ed., selected and arranged by Brian Gardner. – London: Magnum Books, 1966. – 227 p.
83. Poems of the Second World War: The Oasis Selection / Ed. by V. Selvin, E. de Mauny, I. Fletcher, N. Morris. – London: J.M. Dent & Sons Ltd, 1985. – 386 p.
84. Articles of War. A Collection of Poetry about World War II / Ed. by L. Stokesbury. – The University of Arkansas Press, 1990. – 229 p.
85. Poets of World War II / Ed. by Harvey Shapiro. – New York: The Library of America, 2003. – 262 p.
86. The Faber Book of War Poetry / Ed. K. Baker. – London: Faber and Faber, 1997. – 560 p.
87. Gubar, S. Poetry After Auschwitz: Remembering What One Never Knew / Susan Gubar. – Bloomington: Indiana University Press, 2003. – 288 p.
88. Степанова, Е. «Пожива для моего МГ»: современная немецкая литература о войне с Советским Союзом / Е. Степанова // Новое литературное обозрение. – № 102. – 2010. – С. 213 – 231.
89. Resolutions and Decisions Adopted by the General Assembly during Its Sixtieth Session. Vol. 1. Resolutions 13 September – 23 December 2005. General Assembly Official Records. – New York, 2006. – 537 p.
90. Савченко, А.В. «Холокост осени» Десмонда Игана: вторая мировая война глазами ирландского поэта / А.В. Савченко // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. – № 1. – 2005. – С. 39 – 44.
91. Шабловская, И.В. Проза европейских социалистических стран 60–70-х годов о Второй мировой войне. Общее и особенное: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / И.В. Шабловская. – М.: 1988. – 44 с.
92. Гугнин, А.А. Основные этапы развития сербо-лужицкой литературы в славяно-германском контексте: науч. доклад ... д-ра филол. наук / А.А. Гугнин. – М., 1998. – 77 с.
93. Гугнин, А.А. Сербо-лужицкая литература XX века в славяно-германском контексте / А.А. Гугнин; отв. ред В.А. Хорев. – М.: Индрик, 2001. – 180 с.
94. Гугнин, А.А. Введение в анализ поэтического текста / А.А. Гугнин // Проблемы истории литературы: Сб. статей. Вып. 17; отв. ред. А.А. Гугнин. – М.; Новополоцк, 2003. – С. 200 – 227.
95. Гугнин, А.А. Введение в историю серболужицкой словесности и литературы от истоков до наших дней / А.А. Гугнин. – М., 1997. – 224 с.

С.И. Страх (Минск, БГУ)

ПАРАДОКСЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ В РОМАНЕ К. ВОННЕГУТА «МАТЬ ТЬМА»

Среди американских писателей XX века К. Воннегут выделяется своим простым и доверительным, часто насмешливым и даже балаганным тоном повествования, за которым скрываются необычайная серьезность и тревога за судьбу современного нам мира. На страницах произведений писателя разворачиваются апокалиптические сюжеты, анализируются причины и последствия человеческой глупости и злобы, ведущих мир к катастрофе. Основные темы творчества К. Воннегута – это взаимодействие научно-